

Константин Станюкович

Решение

Константин Станюкович

Решение

«Public Domain»

1894

Станюкович К. М.

Решение / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1894

Содержание

I	5
II	7
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Михайлович Станюкович

РЕШЕНИЕ

I

В этот осенний петербургский день, ненастный и мрачный, наводящий хандру, Варвара Александровна Криницына пришла к окончательному и твердому решению: взять детей и уехать от «этого человека».

«Этим человеком» был, само собою разумеется, не кто иной, как муж, лишенный с некоторых пор, за многочисленные и тяжкие вины, своего христианского имени Бориса Николаевича. Еще не особенно давно «Борис», «Боря», а иногда даже и «Борька», он теперь был для Варвары Александровны только «этим человеком» и под такой кличкой, с прибавкой подчас не особенно нежных прилагательных, удручал мысли Варвары Александровны и фигурировал в ее интимных беседах о нем с одной доброй приятельницей, у которой тоже вместо порядочного мужа был «этот человек». Нечего и говорить, что обе приятельницы досыта изливались одна перед другой и вместе плакали после того, как оба «эти человека» были обеими дамами расписаны в надлежащих красках.

Да, взять детей и уехать.

Он не осмелится разлучить детей с матерью – да и на что, по правде говоря, «этому человеку» дети? – и будет давать на их образование и на содержание – не настолько же он «подл», чтоб отказаться от священных обязанностей отца (Варвара Александровна мысленно подчеркнула слово: «священных»), да, наконец, и суд есть! – а сама она, конечно, ничего не возьмет от «этого человека», ни гроша! Она будет работать, не покладая рук. Ей обещали занятия на пятьдесят рублей в месяц, – как-нибудь да проживут. Уж она присмотрела маленькую квартиру в три комнаты с кухней на Петербургской стороне, нарочно подальше от Владимирской, где он останется жить один в шести больших комнатах.

«Квартира-то у него по контракту. Раньше весны не сдаст!» – не без злорадства подумала Варвара Александровна.

И она продолжала ходить быстрой, решительной походкой взад и вперед по спальне, вновь перебирая в уме мотивы своего бесповоротного решения.

Другого исхода нет. Долее терпеть унижения и оскорбления она не намерена («Благодарю покорно!») да и не в состоянии. Есть предел всякому терпению для порядочной, уважающей себя женщины. Довольно-таки перенесла она обид, особенно за последний год, все надеясь, что «этот человек» одумается и поймет всю гнусность своего поведения... Но он и ухом не ведет... По-прежнему никогда не сидит дома, пропадает до поздней ночи и возвращается иногда навеселе... А в редкие часы, когда «этот человек» дома, он спит или молчит. Никакие объяснения с ним невозможны: ни мольбы, ни слезы, ни упреки не действуют. Он безучастно слушает, точно и не ему говорят, и упорно отмалчивается, не считая нужным даже оправдываться... С ней оскорбительно холоден... почти не разговаривает, точно она ненавистная жена... Ну, если разлюбил... да и мог ли когда-нибудь серьезно любить «этот человек», готовый увлечься каждой юбкой и бегать за ней, как... (Тут Варвара Александровна употребила не совсем удобное в дамских устах сравнение, и лицо ее выразило гадливое отвращение). Ну, не люби, если уж ты такой подлец, что не ценишь порядочной женщины, но уважай, по крайней мере, мать своих детей, уважай женщину, которая отдала тебе свою молодость... («Тогда вы сидели дома и никуда без меня не смели выезжать!») Обращайся, как следует, не веди себя, как какой-нибудь беспутный мальчишка, не делай жену предметом оскорбительных сожалений... Оказывай хоть должное внимание. Она ведь, кажется, не требует большего, настолько она горда...

Своим поведением он уничтожил в ней всякое чувство, теперь она презирает «этого человека», и если б не дети – давно бросила бы его! Только ради них она все переносила, ради них питала надежду, что он исправится... Но больше нет надежды, нет и сил... Вина на нем. Ее совесть чиста. Она свято исполняла свой долг: была верной, любящей женой, хорошей матерью, бережливой хозяйкой... Даже в мыслях она никогда не изменила ему, и никто не посмеет усомниться в ее добродетели... Господи! Другие жены и имеют романы, и кокетничают до бесстыдства, и разоряют мужей и... их любят, их ценят, а она безупречная, честная женщина и... вот...

– Уеду, уеду! – решительно проговорила вслух Варвара Александровна. – Пусть «этот человек» пропадает один... Мы ему не нужны!

Чего еще ждать? И без того она совсем измучена... Здоровье надорвано, нервы расшатаны... Один вид «этого человека» приводит ее в раздражение... Надо же наконец успокоиться... Надо побереечь здоровье хотя бы для этих бедных, ни в чем не повинных детей... Отныне она безраздельно будет принадлежать милым крошкам и жить исключительно для них, а ее личная жизнь кончена... Не надо ей любви, кроме любви детей... Впоследствии они узнают, какая она была страдальца и почему должна была бросить их отца... Они, конечно, не осудят матери...

И при мысли о бедных детях – мальчике и девочке, которые в это время весело играли в соседней комнате со старой няней, Авдотьей Филипповной, и о том, какая она в самом деле страдальца, слезы заволокли глаза Варвары Александровны. Она всплакнула, горько жалея себя, и ей казалось, что несчастнее ее нет на свете женщины и что она жертва «этого человека».

II

Однако внешний вид Варвары Александровны далеко не соответствовал представлению о «жертве» и еще менее внушал опасения за ее здоровье.

Несмотря на свои тридцать шесть лет (для лиц, незнакомых с ее метрическим свидетельством, «около тридцати»), это была еще довольно моложавая и свежая, пикантная брюнетка, небольшого роста, крепкая, сухоощавая, отлично сложенная женщина с тонкой талией и хорошо развитым бюстом. Ее смуглое, цыганского типа, лицо, энергичное и властное, с неподдельным румянцем на подернутых пушком щеках, с расширенными ноздрями крупного восточного носа над строго сжатыми пышными губами с едва заметными усиками, с нежным подбородком, на котором чернела родинка, – еще сохраняло следы красоты и дышало жизненностью и здоровьем. Большие черные глаза, осененные густыми длинными ресницами, были полны жизни, красивы и строги. Несмотря однако на эту строгость взгляда, и в этих глубоко сидящих глазах с темными кругами и маленькими «веерками» у висков, и в лице, и в нервной, порывистой походке, и во всей этой маленькой сухоощавой фигурке чувствовался страстный и впечатлительный темперамент южанки.

Черные, как смоль, роскошные волосы с узенькой серебристой прядкой, красиво белевшей на черном фоне, были гладко зачесаны назад и собраны в виде коронки на темени. Видно было, что Варвара Александровна дорожила внешностью и одевалась с кокетливой изысканностью женщины, желающей нравиться. Домашнее черное кашемировое платье с вырезом у шеи, закрытом пластроном, затканым серебряным шитьем, отлично сидело на ее статной фигурке и шло к ней.

Варвара Александровна отерла платком слезы, распространив по комнате тонкий аромат ириса, и меланхолическим взором обвела свою спальню, – уютную комнату с пылающим огнем камина, убранную со вкусом и тонким умением опытной женщины, понимающей значение хорошо свитого гнездышка, – с мягкой мебелью, располагающей понежиться на отдыхе, красивыми вещицами на письменном столике и этажерках, с цветами, ковром во всю комнату, красным фонариком и атласной, расписанной цветами, ширмой, за которой стояла кровать под белоснежным кружевным парижским покрывом.

Эта, прежде столь любимая, комната возбуждала теперь в Варваре Александровне одни лишь горькие воспоминания оскорбленной женщины и безвинной страдальцы.

Еще бы! Сколько было здесь сцен! Сколько в ней пролито слез за последний год! Сколько она тут выстрадала! Сколько провела бессонных долгих ночей с печальными думами в скорбном одиночестве в то время, как «этот человек», возвратившись на заре и прокраившись чуть слышными шагами, безмятежно храпел у себя в кабинете!

Жесткое, злое выражение внезапно искривило лицо маленькой женщины и сверкнуло острым блеском в глазах. Ей почему-то вдруг живо припомнилось несколько затрудненное объяснение «этого человека», когда он, год тому назад, совершенно неожиданно перебрался в кабинет. И каким заискивающим, подлым тоном говорил он тогда!

«Ему, видите ли, удобнее спать в кабинете. Он иногда поздно возвращается и не хочет беспокоить Вавочку. И наконец он не выносит света лампы!»

А прежде выносил?!

– О, подлый, лживый человек! К чему он лгал? Ему просто хотелось скрывать свои поздние возвращения... Он и тогда уже не любил меня! – прошептала Варвара Александровна, полная злобного презрения к этому лживому человеку.

Она без всякого сожаления бросит его и сегодня же, когда он вернется со службы, объявит ему о своем бесповоротном решении. Небойсь, его передернет от такого сюрприза – он все же

любит детей – и, вдобавок, скандал... Жили двенадцать лет, и его бросает жена, безупречная, честная жена...

– Как-то отмолчится он на этот раз. Заговорит-таки наконец, за-го-во-рит! – протянула вслух Варвара Александровна с ядовитым сарказмом в тоне.

И, разумеется, не отказала себе затем в маленьком, невинном удовольствии: вообразить «передернутую» изумлением физиономию «этого человека», когда она ему «холодно, тихо и спокойно» сообщит о своем непоколебимом решении. «Пусть хоть совсем скосится на сторону это „рыбье лицо“, – подумала эта маленькая решительная женщина, продолжая порывисто ходить по спальне, вся поглощенная злыми мыслями о тяжких винах мужа и об его полнейшей безнадежности сделаться когда-нибудь в ее глазах мало-мальски порядочным человеком.

Вообще далеко не злая, скорей даже добрая женщина, всегда умевшая довольно терпимо относиться к людям (исключая, впрочем, неверных мужей) и прощать им многое, Варвара Александровна, как и большая часть жен, считавших себя безвинно оскорбленными, – перебирая в памяти разные «подлости» последнего времени того самого мужа, которого она еще не особенно давно считала лучшим человеком в подлунной, – была теперь к нему беспощаднее самого злейшего врага и мысленно устраивала будущее «этого человека» полным таких «египетских казней», что при одних мечтах о них лицо Варвары Александровны принимало злобно-торжествующее выражение.

Пусть поживет один, если не умел ценить счастья семейного очага и любви порядочной женщины! Пусть поживет! В квартире у него, конечно, будет грязь, пыль и беспорядок, кабинет никогда не прибран, утром чаю ему вовремя не дадут и нальют не такой, к какому он привык... Никто не починит ему белья («ходите в рваном, презренный человек!»), никто не пришьет пуговиц... Кухарка будет немилосердно обкрадывать... или шляйся обедать по трактирам... Почувствует он потом, что значит жить без семьи, без преданной женщины... Будет проводить за картами ночи, кутить, развратничать и совсем опустится... Пусть! Пусть под старость кается, что разрушил семью, оттолкнул верную жену... Не маленький... Сорок два года!.. Пусть во время болезни лежит один без призора... Нет жалости к этому безжалостному человеку!

Но эта, созданная Варварой Александровной, приятная картина будущих злосчастий «этого человека» без пришитых пуговиц, в рваном белье, кутящего развратника («деньги на содержание детей будут, конечно, удерживаться казначеем из его жалованья»), возвращающегося поздней ночью в грязную, неприбранную комнату, – омрачилась внезапно появившейся мыслью, что какая-нибудь другая женщина может, вслед за переездом Варвары Александровны, поселиться с «этим человеком» и не только чинить ему белье, пришивать пуговицы, убирать стол в кабинете и наливать по вкусу чай, – но вот в этой же самой комнате нежно и мирно беседовать с ним, и не думающим удирать из дому... Кто именно могла быть такой «дурой», Варвара Александровна с достоверностью решить не могла («этот подлец ловко скрывает от нее свои интриги»), и подозрение ее перебегало с одной «дуры» на другую из некоторых знакомых дам, задело было одну смазливую девушку, говорившую, что она без предрассудков, и кокетничавшую довольно «нагло» с «этим человеком», и в слепой ярости метнулось даже на свою кузину, молодую «толстушку», с которой «этот человек» в последнее время обращался слишком по-родственному и всегда при встречах как-то долго целовал ее «скверные», «жирные» руки, находя их красивыми, – и ни на ком не остановилось окончательно... Но такая «дура» могла найтись и верно уж есть... Анна Петровна, например... Мало ли бессовестных женщин, расстраивающих семейное согласие?... И «этот человек» может быть счастлив, устроивши себе новую приятную жизнь, в то время, как она будет жить в трех маленьких комнатах, в заботах о детях, одинокой, несчастной вдовой при живом муже...

Эта мысль о другой женщине, мгновенно развитая причудливой фантазией Варвары Александровны в целую картину благополучной, счастливой жизни виноватого, негодного

мужа, заставила маленькую женщину вздрогнуть, как ужаленную, от прилива злобного чувства и острой тяжелой обиды.

Господи! Могла ли она когда-нибудь подумать, что ей придется переживать такие страдания и что ее осмелится так безжалостно оскорблять тот самый человек, который прежде – и давно ли? – был ее покорным, безответным рабом.

III

В самом деле, быть оскорбленной человеком, которого женщина считала своим вечным подданным, это еще обиднее! А прежде, когда Борис Николаевич еще не состоял в звании «этого человека», он, действительно, находился в полном подчинении у властной, деспотической Варвары Александровны, безропотно исполнял ее желания, не смел, бывало, и пикнуть перед ней, боясь получить хорошую порцию упреков, одним словом, был порядочным мужем, мягким и уступчивым, никогда, казалось, и не дерзавшим даже подумать поднять знамя бунта.

Варвара Александровна была полновластная глава в доме. Она решала не только за себя, но и за мужа. Нередко даже и говорила за него, когда он, казалось ей, несколько мямлил. Она обожала Бориса Николаевича со всей силой страстной и ревливой натуры, заботилась о нем с усердием няньки и следила за ним с зоркостью опытного шпиона. И за свою любовь, безграничностью которой она сама гордилась, точно подвигом, и о которой часто напоминала мужу, чтоб он ее чувствовал и ценил, – она, разумеется, требовала, чтобы он находился, так сказать, в постоянном и безраздельном ее пользовании во все время, свободное от службы, и чтобы давал отчет о тех редких часах, в которые он пользовался относительной свободой. Опоздание со службы к обеду вызывало подробные объяснения. Еще бы! Ведь она так беспокоилась за своего Бориса, она так его любит, что всякая неизвестность о нем серьезно расстраивает ее. Нечего и говорить, что в гости ли, в театр ли они ходили вместе, а когда оставались дома, то просиживали вдвоем вечера в ее комнате. Он читал какую-нибудь книгу, а она слушала, пришивая к его ночным сорочкам пуговицы или штопая его носки. Отпуская его иногда сыграть в карты, Варвара Александровна просила его не засиживаться – вредно! – и за ужином не пить много вина – еще вреднее! – и дожидалась его возвращения, встречая его ласковой улыбкой и нежным взглядом своих больших, черных, блестящих глаз. Расспрашивая о подробностях проведенного вечера, она интересовалась: были ли дамы, и какие, и говорила, что проскучала без мужа вечер: ведь она – он это знает – так его любит!

И Борис Николаевич, человек очень мягкий, не отличавшийся большим характером, нес это иго чрезмерной любви с трогательной покорностью, и хотя его подчас тянуло из дому сыграть в картишки или поужинать и поболтать в трактире с приятелем, но он сдерживал свои желания, чтоб не огорчить жену, подавленный, так сказать, ее добродетелями и переполненный благодарностью за ее беспредельную любовь. Да и трусил, признаться, сцен... очень трусил, тем более, что они имели более или менее трагический характер и кончались истериками, после которых Борис Николаевич чувствовал себя бесконечно виноватым. Она вся живет для него, боготворит его, а он, свинья, вдруг закатился до трех часов ночи!! Правда, в голове Бориса Николаевича иногда шевелилась мысль, что, пожалуй, было бы лучше, если б жена любила его чуть-чуть поменьше, без той порывистой страстности, которая граничит с тиранией, и без того особенного нежного и заботливого внимания к его здоровью, которое лишало его возможности беспечно просидеть за ужином, потягивать вино и вести оживленную беседу, не поглядывая беспокойно на часы и не думая, что из-за тебя не спит любимая женщина и в страхе, что тебя переехала карета, напали недобрые люди или, еще того хуже, заинтересовала какая-нибудь блондинка или брюнетка, – не отходит от окна, прислушиваясь: не едет ли извозчик с запоздавшим мужем. Но, разумеется, Борис Николаевич не осмеливался при жене проповедовать такую возмутительную ересь и возлагал надежды на время, которое сделает привязанность жены более спокойной. А пока – надо покориться. Ведь Вавочка его так любит, так заботится о нем, – утешал себя Борис Николаевич, вдобавок и польщенный, что его особа возбуждает к себе такую необузданную привязанность, да еще такой хорошенькой маленькой женщины, как его Вавочка, обладающая каким-то особенным искусством поддерживать в нем влюбленные чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.